

Правда должна выйти на свет: убийства долго скрывать нельзя!

У. ШЕКСПИР. Венецианский купец.
Акт II, сцена 2¹

Убийство багровой нитью проходит сквозь бесцветную пряжу жизни, и наш долг — распутать эту нить, отделить ее и обнажить дюйм за дюймом.

Шерлок Холмс в «Этюде в багровых тонах»
сэра АРТУРА КОНАН ДОЙЛА²

---

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

² Перевод Н. Тренёвой.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. «Ярд»	9
1. Осквернители праха.....	30
2. Расчленители.....	49
3. Нераскрытое	63
4. Время сыска	83
5. Убийство в особняке	105
6. «Ревностные усилия»	120
7. Смерть в Даддлуике.....	154
8. Мученик и монстр	164
9. Суд над детективами	182
10. «Человеческая злоказненность»	200
11. Письмо из ада.....	224
12. Доктор Смерть	250
13. Отдел убийств.....	267
14. В погоне за Криппеном	286
15. Невесты в ванне	323
16. Преступления военного времени	362
17. Страшное слово «Крамблз»	388
18. В сундуке.....	428
19. Выстрелы в упор.....	457
Эпилог. Былые отпечатки пальцев	489
Благодарности.....	501
Примечания	503
Библиография.....	574

Пролог

«ЯРД»

Убийства на Рэтклиффской дороге. Новая полиция

Эта дорога, главная транспортная артерия, ведущая из Лондона на восток, была явно не для робких путешественников. Само ее название Ratcliffe происходило от утеса (cliff) из красного песчаника, нависавшего над Уоппингскими болотами, и звучало довольно зловеще³. Дома со съемными квартирами и обветшальные коттеджи — прибежища матросов и вообще тех, кто служил в портах и на кораблях, ходивших по Темзе, рядами громоздились вдоль тесных уочек и переулков. К началу XIX века за этими местами прочно закрепилась недобрая слава рассадника «необузданного порока и пьяного насилия, всего самого грязного, буйного и развратного» [1]⁴.

Кабаками и лавками была полна узкая улица, тянувшаяся от Тауэра мимо Уоппинга («обычного места казни, где вешали пиратов и прочих морских разбойников») до Шедуэлла. Река, по которой суда доставляли товары в Лондон и из Лондона (товарообмен шел как с другими странами, так и с северными областями Британии), служила главным источником торгового дохода. Один из современников даже назвал эту дорогу «настоящей Риджент-стрит⁵ для лондонских моряков» [2].

³ Ratcliffe — «Крысиный утес». — Здесь и далее прим. пер., если не оговорено иное.

⁴ В квадратных скобках даны номера авторских примечаний, помещенных в конце книги.

⁵ Риджент-стрит — улица лондонского Вест-Энда, известная дорогими магазинами и ресторанами.

Тимоти Марр, 24-летний торговец льняным товаром, был владельцем скромной лавки по адресу Рэтклифф-хайуэй, 29. Когда-то он ходил матросом на судах Ост-Индской компании, но в 1808 году оставил морскую жизнь ради более спокойного существования. В апреле 1811 года женился на девушке по имени Селия и вскоре открыл свой магазин, надеясь на грядущее коммерческое процветание. Эркер с рамой, выкрашенной в зеленый цвет, позволял прохожим увидеть полки, забитые товаром, а Марру — смотреть, как по Рэтклиффской дороге разъезжают конные повозки и телеги, перевозящие табак и пряности, сахар и ром, кофе и чай [3].

7 декабря 1811 года, в субботу, незадолго до полуночи Марр, неутомимо трудившийся за прилавком и проголодавшийся после долгого рабочего дня, попросил свою служанку Маргарет Джузелл сбегать за устрицами, а заодно оплатить счет у булочника. Закутавшись в шаль, она выскользнула на холодную ночную улицу. Окна лавок, рядами выстроившихся вдоль мостовой, почти все были темны, лишь кое-где пробивался тусклый желтый свет ламп. Маргарет поспешила к дверям «Устричной лавки Тейлора» (налево, через несколько домов), но обнаружила, что она уже не работает. В этот поздний час закрылась и булочная. «Меня не было всего-то минут двадцать, — рассказывала потом Маргарет, — но когда я вернулась, то увидала, что хозяйская лавка заперта и свет нигде не горит»⁶ [4].

Озадаченная служанка позвонила в дверь, но ответа не дождалась. Не могли же они успеть запереться на ночь и лечь спать за время ее совсем недолгого отсутствия? Когда она уходила, Марр еще не закончил раскладывать товары,

---

⁶ Здесь и далее мы стараемся передавать речь представителей «низших классов» более органично, чем это сделано в оригинале: автор был вынужден пользоваться источниками соответствующего времени, в которых даже служанки часто разговаривают как светские дамы. Возможно, к такому облагораживанию прибегали из соображений «приличия» или для придания тексту большей официальности (например, в судебных отчетах).

готовясь к завтрашнему торговому дню, а Селия только-только спустилась в кухню (на цокольном этаже), чтобы покормить их трехмесячного сына. Маргарет все более настойчиво звонила в колокольчик. Из-за двери донесся тихий, но отчетливый звук шагов на лестнице. «А еще я услыхала, как где-то тихонько плачет ребенок, — говорила она впоследствии. — Тогда опять стала называнивать и даже ногой в дверь постучала» [5].

Казалось, прошла целая вечность, когда около часа ночи Джордж Олни, местный ночной сторож, обходя свой участок, подошел к дому, куда звонила и стучалась Маргарет, и спросил, отчего весь этот переполох. Рассказ служанки он счел странным и сам принялся колотить в дверь, громко зовя Марра. Но передняя часть лавки оставалась темной и безмолвной. Шум на улице привлек внимание Джона Мюррея, ростовщика, жившего по соседству. Оценив положение, он перелез через невысокую стенку в садик позади дома Марров и увидел огонек, мерцавший в одном из верхних окон. Затем вошел в лавку через черный ход.

— Mapp, — позвал он. — Mapp, у тебя ставни не заперты.
Молчание.

Мюррей поднялся по лестнице и обнаружил на площадке зажженную свечу. Подняв свечу повыше, он различил в ее бледном свете, что «две двери комнаты, где обыкновенно спал мистер Mapp, открыты настежь». Из чувства приличия Мюррей не стал заглядывать в это помещение. Он спустился вниз, чтобы посмотреть, как дела в самой лавке, и здесь попал в кровавый кошмар [6].

В шести футах от нижней ступеньки он обнаружил 14-летнего Джеймса Гоуэна — мальчика-рассыльного, служившего у Марров, «лежащим ничком... с вышибленными мозгами, часть коих даже покрывала потолок; кровь виднелась также на стене и на прилавке». В ужасе, спотыкаясь, Мюррей прошел к входной двери и тут увидел Селию — она тоже лежала лицом вниз, и вокруг нее растекалась лужа крови. Между тем возле лавки успела собраться целая толпа зевак, смекнувших,

что дело неладно. Они придвинулись поближе, когда дверь распахнулась и в проеме показался Мюррей. Свеча освещала его побледневшее лицо [7].

— Входите же, ради всего святого, — вскричал он, — и посмотрите, какое здесь случилось жуткое убийство!

Толпа, теснясь, ринулась в лавку. Вошедшие переступили через «изувеченное кровоточащее тело» Селии, увидели мальчика-рассыльного, лежавшего у задней стены. Тимоти Марр «с весьма обильным головным кровотечением» лежал за прилавком. В поисках младенца, Тимоти-младшего, пришлось спуститься по лестнице в полуподвальную кухню. Ребенка обнаружили мертвым в колыбели. Кровь сочилась у него изо рта и из перерезанной шеи [8].

Увидев весь этот ужас, Маргарет зашлась в крике [9].

***

Коронерское следствие проходило днем во вторник, 10 декабря, в пабе «Веселый моряк», через улицу от дома, где произошло убийство. Хирург⁷ Уильям Солтер, исследовав тела, дал официальные показания о результатах осмотра, подробно описав зверскую жестокость, выходившую далеко за рамки того, о чем поведали первые газетные сообщения:

У Тимоти Марра-младшего левая внешняя шейная артерия полностью рассечена; от левой стороны рта, поперек указанной артерии, проходит рана длиною не менее трех дюймов; на левой стороне лица видны несколько отметин, свидетельствующих об учиненном насилии. У Сесилии [sic] Mapp, жены хозяина, трещина левой сто-

⁷ В те времена хирургами в Британии именовались врачи довольно широкого профиля; как правило, по статусу они были ниже «доктора», получившего полноценное медицинское образование. При этом существовали должности приходского хирурга (по сути, приходского врача), судового хирурга и т. п. — их мог занимать и «доктор».

роны черепа, височная кость совершенно уничтожена... У Тимоти Марра-старшего сломан нос. Затылочная кость также треснула; над правым глазом виден след мощного удара. Джеймс Гойн [врач пишет «Goin», а не «Gowen»], мальчик-помощник, получил несколько сильных ушибов лба и носа. Затылочные кости его ужасающим образом раздроблены, мозг частию просочился на внешнюю поверхность черепа, частию же рассеян вокруг [10].

Когда Маргарет Джузелл попросили рассказать об этом страшном вечере, «она оказалась столь потрясена переживаниями, что упала в обморок и всяческие усилия привести ее в чувство долгое время не приносили чаемого результата. Дальнейшим расспросам она не подвергалась». Коронерское жюри, посетив место преступления, осмотрело тела и заслушало показания сторожа Джорджа Олни и соседа Джона Мюррея, после чего вынесло вердикт об «умышленном убийстве, совершенном неустановленными лицами» [11].

Это предварительное следствие не проливало света на вопросы «Кто?» и «Почему?», однако само преступление все-таки дало некоторые улики. Убийца (или убийцы) бросили в доме окровавленную деревянную киянку весом восемь фунтов⁸, какой пользуются корабельные плотники: инструмент, похожий на молоток, с бойком, у которого один конец закруглен (чтобы забивать заклепки на корабле), а другой заострен, «дабы сподручнее было загонять заклепку поглубже под деревянную поверхность». В одной из спален обнаружили также 20-дюймовое долото для работы по металлу, однако оно оказалось чистым [12].

«Громадная толпа» собралась на похороны семьи Марров, состоявшиеся в воскресенье, 15 декабря, в церкви Святого Георгия Восточного. Скорбящие выстроились от самых дверей лавки Марра, чтобы увидеть, как «убиенное семейство пере-

⁸ Около 3,5 кг.

селяется в мрачные смертные чертоги». По настоянию преподобного д-ра Фаррингдона собравшиеся в храме склонили головы, однако не все могли сдержать «порыв произнести несколько крепких выражений среди всеобщей молитвы о небесном мщении, желая, чтобы оно обрушилось на головы неведомых душегубов». Семью погребли в общей могиле: «м-ра Марра — в одном гробу, а мать и младенца — в другом, вместе» [13].

Местные жители еще не оправились от потрясения, вызванного этими убийствами, когда через пять дней, в пятницу, 20 декабря, газеты напечатали известие о новом страшном злодействии. *The London Chronicle* едва ли не извиняется за то, что вынуждена обрушить эту трагедию на читателя:

С не меньшим ужасом и тревогой нам приходится сообщить, что еще три человека лишились жизни, пострадав от рук полночных убийц, всего в двух минутах пешей ходьбы от того самого места, где несколькими днями ранее погибла таким же образом семья несчастного м-ра Марра [14].

Та же картина: размозженные головы, глотки, перерезанные до кости. Это злодействие свершилось в трактире «Королевский герб» по адресу Нью-Грэвл-лейн, 81. Жертвами стали 56-летний хозяин заведения Джон Уильямсон, его 60-летняя жена Элизабет и служанка пятидесяти с лишним лет по имени Бриджет Харрингтон, «которая собирала грязную посуду и прислуживала в баре». Уильямсоны, «лица весьма уважаемые во всей округе», заправляли в «Гербе» 15 лет, радушно принимая там как местных жителей, так и «всякого рода приезжих и иностранцев». Убийства произошли 19 декабря между одиннадцатью часами вечера и полуночью, уже после того, как трактир закрылся. Джон Тёрнер, жилец того же дома, адвокат по профессии, слышал, как трех жертв «бесчеловечно умерщвляли», — сам он при этом находился в относительной

безопасности, поскольку его комната располагалась двумя этажами выше [15].

Тёрнер проживал в «Королевском гербе» восемь месяцев. Он считал Уильямсонов «миролюбивой четой» и вполне доброжелательными квартирными хозяевами. За несколько минут до одиннадцати он пожелал им спокойной ночи и прошел к себе наверх, пока супруги запирали двери.

— Я отправился спать и пролежал в кровати не более пяти минут, когда раздался весьма громкий стук во входную дверь, — вспоминал он, — и тотчас же услышал, как служанка вскричала: «Нас всех убивают!» или «Нас сейчас убьют!», два или три раза.

Затем послышались звук трех мощных ударов по чьему-то телу («не могу сказать, каким орудием») и отчаянный вопль Джона Уильямсона: «Я погиб!» Тёрнер все это время оставался в постели, не зажигая света, так что его комната была темной. Наконец все звуки прекратились. Ему потребовалось несколько минут, чтобы набраться храбрости и пойти посмотреть, что стряслось [16].

— Я выбрался из постели и стал прислушиваться у дверей, однако ничего не услышал, — рассказывал он. — Тогда я спустился на второй этаж, и снизу до меня донеслись три тяжелых вздоха. Потом услышал, как кто-то, ступая очень осторожно, пробирается через проходную комнату на первом этаже. К тому времени я, по-прежнему неодетый, успел спуститься до половины последней пары лестничных пролетов.

Сойдя с лестницы до конца, Тёрнер на цыпочках приблизился к двери, которая оказалась слегка приоткрыта. Он осторожно протиснулся между дверью и косяком, опасаясь, что петли могут заскрипеть, если он решится отворить створку пошире.

— При свете свечи, горевшей в комнате, я увидел человека почти шести футов ростом⁹, в обширном пальто грубой

---

⁹ Около 183 см (1 фунт = 30,48 см).

материи какого-то темного цвета, которое доходило ему до пят, — сообщил свидетель. — Он стоял ко мне спиной, по-видимому, склонившись над кем-то, словно обшаривая карманы жертвы.

Тёрнер услышал отчетливый звон монет и увидел, как незнакомец выпрямляется и прячет в карман свою неправедную добычу.

— Я не разглядел его лица. Больше я никого там не увидел. Мною овладел страх, и я прошел к себе наверх. Я старался двигаться как можно быстрее, но при этом как можно тише.

Вернувшись к себе, Тёрнер испытал приступ настоящей паники. Он решил не прятаться под кровать (слишком очевидное место), а связал вместе две простыни и один конец получившегося жгута обвязал вокруг столбика кровати. Быстро накинув ночной колпак, рубашку и жилет, Тёрнер спустился по простыням из окна спальни, выходившего на улицу. Как раз во время этого спуска мимо проходил по своему маршруту ночной сторож, которого, что вполне естественно, заинтересовало необычное зрелище. Услышав рассказ Тёрнера, служитель порядка «воздел свою трещотку» и поднял тревогу.

Несколько мужчин, в том числе сосед Джордж Фокс, вняли этому призыву и вломились в дом через парадную дверь и чердачное окно — после того, как их стук и крики остались без ответа. Передний зал трактира оставался темным, однако в проходной комнате, где находилась кухня, что-то слабо светилось. Это привлекло их внимание.

— На столе горел огонек, — рассказывал Фокс. — В его свете я увидел, что возле камина лежит ничком миссис Уильямсон, головой к дверям. Горло у нее было перерезано, из раны текла кровь.

Разрез проходил от уха до уха, рассекая трахею. Вся правая сторона головы, с начисто содранной кожей и проломленными костями, была буквально разбита на куски «большой кочергой или иным подобным инструментом». Похоже, убийца обшарил ее карманы. Бриджет Харрингтон, служанка, лежала между

телом Элизабет и камином; вокруг нее растекалась кровь, лившаяся из четырехдюймовой раны на шее и из отверстия на правой стороне головы, примерно четырех дюймов в длину и двух дюймов в ширину.

— А где сам старик Уильямсон? — окликнул своих спутников Фокс, с трудом выдавливая слова.

— Да вот он, — отозвался снизу один из тех, кто залез в дом через подвальное окно. — Ему глотку перерезали.

«Перерезали» — это еще мягко сказано. Лезвие убийцы вскрыло шею Уильямсона от уха до уха, «пройдя через трахею, или дыхательное горло, и достигнув шейных позвонков». Правая нога оказалась сломана над лодыжкой: возможно, во время нападения он скатился с лестницы [17].

Убийца удрал через заднее окно — оставив на открытом ставне кровавый отпечаток руки, спрыгнул с высоты восемь футов «на обширную пустошь, принадлежащую Лондонской портовой компании». Ему оставался единственный путь: вверх по береговому склону, покрытому мокрой глиной. Он неминуемо должен был взобраться на скользкую вершину на четвереньках, сильно запачкавшись глиной, прежде чем ему удалось бы скрыться. Но, несмотря на отчаянные поиски, замызганного убийцу никак не удавалось найти [18].

* * *

Убийства на Рэтклиффской дороге — на тот момент «несомненно, самые примечательные за все столетие» — породили невиданную для Лондона панику, какой не случалось вплоть до эпохи Джека-потрошителя. Но, как отмечено в одном историческом исследовании, «на Потрошителя охотились в городе, где уже работали 14 ООО сотрудников Столичной полиции... Между тем в 1811 году в Лондоне вообще не существовало эффективной полицейской организации» [19].

Тогда поддержанием правопорядка в британской столице занималась в основном не слишком пригодная для выпол-

нения такой задачи и к тому же раздробленная система, состоявшая из констеблей иочных сторожей (приписанных к церковным приходам, на которые был разбит город). Ночная стража патрулировала «тесные мощеные улицы Лондона и его промозглые переулки» с десяти вечера до восхода солнца. Сторожам, вооруженным фонарем и трещоткой, вменялось в обязанность реагировать на всякую подозрительную личность, какая им встретится во время обхода, однако было весьма вероятно, что эти блюстители порядка проведут все дежурство пьяными. Лондонский журнал *The Englishman* описывал типичную караульную будку как помещение, где можно застать «ночного констебля спящим, притом нередко в пьяном виде, посреди опустевших судков и стаканов, недавно полных джина с водою, украшающих собою стол и стулья, и все это являет собою картину безудержного разгула, ничуть не походя на место отправления сурового правосудия» [20].

В ист-эндском приходе Святого Георгия, где произошли описанные убийства, охрану несли «не более чем дюжина констеблей, работавших без жалованья» да «тридцать пять очных сторожей, получавших по два шиллинга за ночь». Но этого было недостаточно. «Частые убийства, происходившие в восточной части столицы, не удается раскрыть даже посредством самых бдительных усилий... а посему они требуют особого внимания тех, кто непосредственно облечен властными полномочиями, — отмечал один ист-эндский чиновник по следам рэтклиффских злодействий. — Недавние и нынешние убийства позорят страну и даже, можно сказать, служат упреком самой цивилизации. Когда труды полиции... можно счесть недостаточными для защиты человеческой личности от учинителей насилия, без всякой возможности предать преступников справедливому суду и наказанию, наш дом перестает быть нашей крепостью и собственная постель уже не служит нам безопасным прибежищем» [21].

Действовавшее в ту пору лондонское учреждение, наименее походившее на полицейское управление, являлось детищем

адвоката, романиста и драматурга Генри Филдинга, занявшего в 1748 году должность главного городского судьи. Он стал работать в доме по адресу Боу-стрит, 4, где восемью годами раньше сэр Томас де Вейль, судья, учредил магистратский суд¹⁰. Как сообщала *The Illustrated London News*, «по большей части это темные, грязные, зловонные комнатушки, какая-то помесь голого, неприбранного, запущенного школьного класса и неприглядной камеры для предварительного заключения должников; вы принуждены пробираться сюда по целой паутине коридоров с низкими потолками» [22]. И далее:

Стены засалены и запачканы трением о них нескончаемых компаний несчастных оборванных свидетелей и обвинителей, а также друзей арестантов. Они прозябают во всех здешних проходах и переходах, извивающихся и перекрещивающихся между залом суда и омерзительными камерами, напоминающими ящики [23].

Именно здесь, вынося судебные решения среди «толп обнищавших, ужасающего вида мужчин и женщин, явившихся по повестке, или с жалобою, или же со встревоженным запросом о судьбе пропавших друзей или убежавших куда-то детей», Филдинг (возможно, «первый из англичан, задумавшийся о причинах преступлений») искал средства для борьбы с преступностью. В 1753 году он создал службу охраны правопорядка, состоявшую из семи честных мужчин — их прозвали «ищейки с Боу-стрит»¹¹. Им платили небольшое еженедельное жалованье. «Ищейки» не носили форму, а опознать их можно было по короткой дубинке с навершием в виде золотой короны. «Ищейки» действовали энергичнее обычных приходских констеблей или вечно

¹⁰ Местный или региональный суд с широкими полномочиями, разбиравший как гражданские, так и уголовные дела.

¹¹ Bow Street Runners, букв. «бегуны с Боу-стрит». В отечественной литературе встречается также название «сыщики с Боу-стрит».

пьяныхочных сторожей — они «вдохновенно стремились выявлять исполнителей преступлений, а не только препятствовать тем, кто может замышлять какое-то злодейство» [24].

Джон, младший сводный брат Генри Филдинга, вскоре стал работать у него на Боу-стрит в качестве помощника. Ослепнув в 19-летнем возрасте в результате несчастного случая, Джон тем не менее весьма успешно изучал юриспруденцию и заработал репутацию неутомимого социального реформатора. Братья полагали, что страх поимки — могучее средство сдерживания тех, кто замышляет незаконные действия. С помощью «ищек» и осведомителей им удавалось быть в курсе преступной деятельности в городе. Эти сведения они публиковали в иллюстрированной *Police Gazette*, руководя из конторы на Боу-стрит своего рода разведывательной сетью, действовавшей в преступной среде. В сущности, братья Филдинги развивали давно уже известное ремесло «ловца воров» («охотника на воров») — профессию несколько более сомнительную, чем «борец с преступностью» [25].

Ловцы воров, эти предприимчивые наемники, хорошо знавшие преступный мир Лондона, во многом действовали как «охотники за головами», выслеживая разного рода воров, убийц и разбойников за денежное вознаграждение. Они орудовали «в мире теней», зачастую столкнувшись со своей же добычей и осуществляя посредническую функцию — обсуждая с жертвой и преступником размер выкупа за возврат украденного имущества. Неудивительно, что многие из этих личностей использовали особенности сложившейся системы ради собственной выгоды. Хитроумный Джонатан Уайлд сколотил небольшое состояние, скупая краденое у тех, на кого якобы охотился, и отдавая вещи законным владельцам за повышенное вознаграждение. Вскоре он стал сотрудничать с ворами, помогая им выбирать жертвы, которым потом за немалую сумму «возвращал» украденное [26].

Какое-то время все шло как по маслу. Но потом двое молодчиков из числа подручных Уайлда, арестованных за другое преступление, выдали его в обмен на снисхождение правосудия и помогли отправить «Верховного ловца воров Англии и Ирландии» на эшафот; его повесили 25 мая 1725 года. Насквозь фальшивая деятельность Уайлда ярко и откровенно продемонстрировала двуличие, характерное для ловцов воров. Его историю обессмертил вышедший в 1743 году роман «Жизнь и смерть великого Джонатана Уайлда», который написал не кто иной, как Генри Филдинг [27].

Филдинг умер в 1754 году. На посту боу-стритского судьи его сменил сводный брат Джон, который якобы умел опознавать «более трех тысяч преступников лишь по звучанию голоса». Этот энтузиаст, получивший прозвище Слепой Клюв с Боу-стрит, развивая инициативы Генри, выступал за создание организованных полицейских сил. Для надзора за преступной деятельностью он учредил архивную систему, которая станет прообразом Отдела регистрации преступлений и преступников Скотленд-Ярда. В начале 1760-х Джону Филдингу удалось ненадолго убедить правительство обеспечить финансирование для десяти верховых, патрулировавших дороги, которые вели в Лондон, дабы справиться с засильем разбойников. Затея оказалась плодотворной, но всего через 18 месяцев пала жертвой «скупости казначейства». Конные патрули вновь появятся (уже на постоянной основе) лишь в 1783 году [28].

Между тем «ищёйки с Боу-стрит» появлялись и при других магистратских судах, перенимавших систему Филдинга и набиравших собственных констеблей для обнаружения преступлений. К тому же в 1800 году была создана Речная полиция Темзы, которой предписывалось патрулировать водные пути столицы. Увы, ни одна из этих структур не помогла раскрыть убийства на Рэтклиффской дороге, поскольку разнородные полицейские силы относились друг к другу с немалым подозрением. Как отмечал один лондонский судья, «различные служители полиции держат получаемые сведения при себе,

не желая делиться ими с другими, дабы при случае именно себе приписать заслугу обнаружения правонарушителей и воспользоваться соответствующими преимуществами» [29].

Лондону, этому сердцу Британской империи, отчаянно не хватало профессиональной полиции — факт, который рэтклиффские убийства мрачно и настоятельно подчеркнули. «Почти каждую неделю в той или иной газете появлялась откровенная статья о росте числа насильственных преступлений, о продажности полиции или о несведущих судьях, — отмечается в одном историческом исследовании. — Общее, пусть и смутное, ощущение неудовлетворенности положением, возможно, улеглось бы, как не раз в прошлом успокаивалось сходное возбуждение; требовался какой-то толчок, дабы придать ему веса, и ужасающие трагедии на Рэтклиффской дороге как раз и обеспечили его» [30].

Расследование убийств, шедшее в тогдашних условиях через пень-колоду, дало не слишком утешительные результаты после того, как два жильца, обитавшие при пабе «Грушевое дерево», донесли на жившего там же моряка по имени Джон Уильямс. Спустя три дня после кровавой трагедии в «Королевском гербе» Уильямса арестовали по косвенным уликам: киянка, найденная в доме Марра, по описанию походила на ту, которая пропала из «Грушевого дерева»; Уильямс недавно сбрил бороду; у него откуда ни возьмись появились деньги; когда-то он служил на том же двухмачтовом паруснике, что и Тимоти Марр; прачки, стиравшие его одежду, заявили, что «за эти две недели дважды» замечали кровь на его рубашке; наконец, в кармане жилета Уильямса констебли обнаружили «окровавленный нож особенной формы», который «мог стать причиной шейных ран» при убийствах в доме Марров [31].

Но Уильямс, «подвергнутый весьма длительному и суровому допросу», упорно настаивал на своей невиновности. До суда его поместили в тюрьму Колдбат-Филдс, где вскоре Уильямс повесился в камере — на «белом шейном платке»,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru